

ДО 500-РІЧЧЯ ВИДАВНИЧОЇ ДІЯЛЬНОСТІ ФРАНЦИСКА СКОРИНИ

УДК [930+316.7](476)''1924/1990'':008(092)Скорина

Александр Груша,

д-р ист. наук, директор Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа
Национальной академии наук Беларуси

Увековечение памяти о Франциске Скорине в Беларуси (1924–1990) *

В статье анализируется процесс формирования культуры коммеморации Франциска Скорины и конструирования его образа в коллективной памяти Советской Беларуси. Делается вывод: несмотря на то, что на официальном уровне образ Скорины отождествлялся с утверждением социалистического строя, советским патриотизмом, в народной памяти этот образ был связан с формирующимся национальным самосознанием.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история белорусского книгопечатания, Франциск Скорина в коллективной памяти белорусов, носители памяти, конструирование образа Скорины, культура коммеморации, официальная мемориальная политика.

В Беларуси 2017 г. официально объявлен годом науки. В то же время этот год является годом 500-летия белорусского книгопечатания. Совпадение двух этих дат побуждает к вопросу: в какой степени существующий образ выходца из Полоцка, доктора медицины Франциска Скорины (?–1551/52), с именем которого связана эта юбилейная дата белорусского книгопечатания (а вообще, связана ли эта дата с белорусским книгопечатанием?), является результатом применения к изучению этой личности, её деятельности сугубо научных подходов, интерпретаций и суждений. Не

испытывала ли наука в этом вопросе внешних ненаучных влияний – официальной политики, государственной цензуры, общественного мнения и т. д.?

Нельзя не заметить, что сегодня Франциск Скорина для Беларуси – это не просто привлекательный исторический деятель, к которому проявляют любовь и симпатии современники. Это не просто популярная личность, информация о которой механически и пассивно фиксируется и транслируется. Это даже не просто национальный герой, имя которого у всех на слуху, вклад и значение которого не подлежат сомнению. Для белорусов образ Скорины – идеальный, он лишён нюансов и полутонов. Оценка множества разных талантов и великих заслуг Скорины является бесспорной и непререкаемой.

Характер данных, относящихся к культуре памяти о Скорине, таков, что систематизировать и классифицировать их можно на данный момент

* Статья представляет собой дополненный и переработанный вариант раздела: Gruša A. Skorinos atminimo iprasminimas. Baltarusija / A. Gruša // Pranciškaus Skorinos «Rusėniškajai Biblijai» – 500 / sud. S. Narbutas. – Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2017. – P. 113–124.

лишь при условии применения категорий, подходов и инструментария, используемых в направлении *memory studies* [25, с. 39–40]. Упорядочив же эти данные, приходится признать, что образ Скорины – это не расплывчатый образ прошлого, который время от времени волнует умы и чувства отдельных индивидов и групп, а сложный и устойчивый образ коллективной памяти целого народа, не прерывающейся длительное время. Он введён в культурный дискурс, превращён в символ национальных ценностей, осмысливается, переживается и перерабатывается в связи с общественными целями и задачами. Память о Скорине имела и имеет свои нарратив, канонические тексты, «места памяти», зоны умолчания, культурные формы и практики. Добавим к этому, образ Скорины в Беларуси – один из самых значимых объектов коллективной памяти прошлого этой страны.

Белорусскому исследователю Р. Воронову принадлежит первенство в определении существующего ныне в Беларуси образа Скорины как объекта коллективной памяти. По его справедливому мнению, Франциск Скорина – «фигура культурного, а не общественно-политического характера... Сегодня образ национального героя, каким себе в общих чертах представляет первопечатника абсолютное большинство белорусского населения, – продукт XX века» [6, с. 156, 157]. Этому образу была посвящена одна из статей Р. Воронова [36].

Образ Скорины в коллективной памяти Беларуси послужит предметом и нашего внимания. Мы не ставим перед собой задачу дать ответ на сформулированный выше вопрос. Попытаемся лишь в общих контурах очертить, как в Беларуси формировалась культура коммеморации этого образа, происходило его конструирование. Тем самым обозначим те аспекты, которые стоит непременно учесть современным историкам-профессионалам, стремящимся критически, оперируя научными понятиями, оценивать навязываемые извне идеи и мысли. На эти аспекты стоит обратить внимание и сотрудникам учреждений памяти – библиотек и музеев. Ведь они, согласно своим профессиональным обязанностям, должны ясно оценивать контекст, в который включён репрезентуемый артефакт, имеющий отношение к тому или иному историческому деятелю: в частности, определять, относится ли данный контекст к исторической реальности или же он служит средством сохранения и стимулирования определённых исторических образов.

Наш анализ касается образа Франциска Скорины в коллективной памяти Советской Беларуси в пери-

од с 1924-го по 1990 г. В 1924 г. тут родилась идея, реализация которой привела к зарождению этой памяти в национальных масштабах. К 1990 г. коллективная память о Скорине, пройдя различные метаморфозы, достигла максимального своего проявления, приобретя характер мощного национально-культурного и политического ресурса. Пока оставим в стороне память о Скорине, которая осмыслилась и переживалась в Западной Беларуси до её объединения с БССР, а также в среде белорусской эмиграции. Эти темы заслуживают отдельного исследования.

Советская Беларусь, питавшая великие надежды на социальные преобразования и национальное самоопределение, с первых лет своего существования нуждалась в таких образах коллективной памяти, которые бы могли служить средством национально-государственного строительства, консолидации общества в деле созидания будущего, являться образцом для подражания и воспитания молодёжи. Образ Скорины был в этом плане идеальным. Он был удобен. Скорина был уроженцем белорусского Полоцка, что он сам регулярно подчёркивал в своих изданиях. Следовательно, этого исторического деятеля не надо было «делить» ни с поляками, ни с литовцами, ни с русскими. Образ Скорины соответствовал формирующейся советской идеологии. Ведь Скорина служил во благо простого народа. К тому же он использовал печатное слово, содействовавшее делу социального освобождения трудящихся масс. В связи с этим образ Скорины вполне вписывался в привлекательный героический нарратив. Этот образ обладал особой престижностью. Апелляция к отдалённой эпохе, в которой жил Скорина, к отдалённым пластам культуры утверждала древность белорусской нации. К тому же Скорина был учёным человеком: он имел университетское образование, обладал высокими учёными званиями. Данный образ должен был достойно представлять Беларусь на международной арене, будить и воспитывать патриотизм белорусского народа.

Образ Скорины как объект коллективной памяти родился в среде белорусской гуманитарной интеллигенции [9, с. 27–32; 10, с. 27; 11, с. 46–48] и активно продвигался Институтом белорусской культуры (Инбелкультуром) – первым научным учреждением молодой белорусской республики, основанным в 1922 г. И в дальнейшем Академия наук Беларуси, в которую в 1928 г. был реорганизован этот институт, занимала главенствующую роль в изучении жизни и деятельности Скорины, иницировании и организации мемориальных мероприятий, посвящённых этому деятелю [8].

Память о Скорине не являлась стабильным конструктом. Тем или иным целям отдавался приоритет в зависимости от запросов настоящего времени и планов на будущее.

В 20-х годах XX в. образ Скорины-интеллектуала – переводчика книг Священного Писания в силу текущих задач советской республики переформулировали. Акцент был смещён на образ Скорины – просветителя трудового народа, белорусского патриота и деятеля национального возрождения. Вот некоторые из характерных высказываний о Скорине указанного времени. Его издания «даны на белорусском народном языке того времени. В своих предисловиях к отдельным изданиям, вышедших в Праге, Скорина чётко подчёркивает те цели, служа которым он приближал книги к широким массам. Он любил свой народ и поэтому отмечал, что печатает “людем посполитым к доброму научению” на их родном языке... Этим он послужил на пользу белорусской культуры, выдающимся гуманистом и деятелем которой он являлся» [4, с. 7]; «Служить распространению грамоты и просвещения, поднимать народную мораль – вот те идеи печатной работы Скорины, *которые не потеряли ценность и в наши дни* (выделено нами. – А. Г.) и для служения которым он жертвовал свою жизнь...» [35, с. 151]; «Даже во времена Скорины язык имел большое значение в смысле национального возрождения, и он был первым деятелем на этом пути» [24].

В 1925 г. ожидалась юбилейная дата – 400-летие выхода в свет первой датированной, изданной в Вильне, книги Скорины (выход «Малой подорожной книжки» относили к более позднему времени). Подготовка к этой дате и послужила механизмом «запуска» воспоминаний о Скорине в публичном пространстве. Недостаточно было выдвинуть образ памяти, этот образ следовало особым образом репрезентовать, сформировать особый канон воспоминаний.

Инициатором празднования данной юбилейной даты выступил ректор Белорусского государственного университета (БГУ), член историко-археологической секции Инбелкульта В. Пичета. Реагируя на инициативу белорусских национальных деятелей в Польше (в Вильне) и Литве (в Ковно) о праздновании «400 лет со дня выхода в свет первой книги на белорусском языке (библии Ф. Скорины)», в июне 1924 г. он внёс предложение о создании в Минске комиссии по празднованию юбилея; при этом Минску он отвёл роль «центра торжеств как научных, так и культурно-национальных» [8, с. 235–236].

При Инбелкульте создается Юбилейная Скори-

нинская комиссия, разработавшая план празднования 400-летия белорусской печати. В 1925 г. Инбелкульт принял решение о придании этому празднику широкого – «государственного», т. е. республиканского, характера [8, с. 238]. Планировалось, что для организации и проведения торжеств в регионах будут действовать специальные юбилейные комиссии, в мероприятиях примут активное участие культурные учреждения БССР, профсоюзы типографов, школы, другие организации. Намечалось, между прочим, опубликовать научно-популярный и краткий очерки о жизни и деятельности Скорины для школ, напечатать портрет просветителя, присвоить имя Скорины некоторым учреждениям образования и культуры, выбить памятную медаль, отлить «скорининский шрифт» (он основывался на графике шрифта книг Скорины и предназначался для массового использования), установить в Минске и Полоцке памятные доски, заложить памятник Скорине в Полоцке (установить памятник – на Замковой горе, на берегу р. Зап. Двина – предполагалось весной 1926 г.) [22, с. 212].

В октябре 1925 г. ЦК КП(б)Б постановил признать выход в свет виленского издания Скорины в 1525 г. «культурным праздником»; разрешить Инбелкульту установить памятник в ознаменование 400-летия печати в Беларуси; присвоить имя Скорины улицам в Минске и Полоцке, одной из школ; издать популярную брошюру к 400-летию печати [10, с. 27–28].

Празднование юбилея было назначено на 29–30 декабря 1925 г. Юбилей отмечался повсеместно в республике. В рамках празднеств 29 декабря в Минске в Доме рабочего просвещения состоялся торжественный вечер. На следующий день в Инбелкульте прошло торжественное заседание, посвящённое открытию бюста Скорине. Заключительная часть торжеств проходила в Государственном театре [24]. О значимости 400-летней годовщины белорусской печати говорит тот факт, что эта дата отмечалась вместе с 7-й годовщиной образования БССР [2, с. 126; 18, с. 57].

В 1925 г. в Минске, в связи с подготовкой к празднованию юбилея, появились артефакты, связанные с деятельностью Скорины. Были приобретены 10 изданных им книг из коллекции ленинградского библиофила Комарницкого. Книги передали в Белорусскую государственную и университетскую библиотеку (так до мая 1926 г. называлась Национальная библиотека Беларуси) [12]. Эти книги экспонировались на книжной выставке, приуроченной к юбилею [34, с. 297]. С этого времени выставка книг Скорины становится непре-

менным атрибутом празднований, посвящённых юбилеям книгопечатания и Скорины.

В 20-х годах образ Скорины воплотился в произведениях искусства и на театральной сцене. Портрет Скорины (художника Якова Кругера), а также его бюст (скульптора Абрама Бразера) экспонировались в 1925 г. на Первой Всебелорусской художественной выставке в Минске [34, с. 287, 289]. В начале 1926 г. в Минске был поставлен первый спектакль о Скорине [34, с. 310, 521]. Тема Скорины громко зазвучала в поэзии и художественной прозе [34, с. 293].

Так в Беларуси рождалась официальная политика памяти о Скорине. В сообщество, объёдинённое памятью о нём, Советская Беларусь превратилась в первые годы своего существования. Эта память почти сразу приобрела публичный характер. В ней воплотились социальные и национально-культурные ценности научной, национальной и части партийной элиты страны. В политике памяти о Скорине эта историческая фигура обрела черты национально-культурного героя. Эта память проявила себя в разнообразии мемориальных акций, в применении целой системы средств коммеморации.

Но образ Скорины так и не был интегрирован в формирующуюся идеологию СССР. В конце 20-х годов XX в. под давлением руководящих органов партии национально-культурные устремления белорусов были свёрнуты. Скорине – «средневековому монаху», «представителю бывших господствующих классов» [13, с. 245], как его назвал один из партийных лидеров, не нашлось места в государственной идеологии, среди ценностей пропагандируемой пролетарской культуры. В почитании и прославлении Скорины власти усмотрели проявление национальной буржуазной политики, не совместимой с советской идеологией. С этой точки зрения память белорусов о Скорине стала устрашающей для партии. Прошедшее празднование 400-летия белорусской печати было расценено как «шумная националистическая демонстрация» [3, с. 75–77; 10, с. 29–30; 18, с. 59]. В 30-х годах тема Скорины была запретной, о нём в Беларуси вообще не писали [18, с. 59].

Накануне и во время Великой Отечественной войны в СССР обозначился серьёзный поворот в политике: «от классовости и революционности к патриотизму и державности... Здесь... проявилась известная функция прошлого и как средства культурной консолидации перед лицом каких-либо проблем или внешних угроз» [25, с. 59]. Воспоминания белорусами их прошлого стало рассматриваться как часть советского патриотизма. Правда, этот патриотизм имел одну важную составляющую – он подразуме-

вал признание факта этнической и культурной близости белорусского и русского народов, стремления их к сближению и единению. Скорину, ещё недавно преданного политическому забвению, вспомнили опять – на этот раз уже как о «самой яркой выдающейся личности» из числа «крупнейших деятелей белорусского культурно-национального движения», как о «великом просветителе белорусского народа», который издал первую книгу на белорусском языке, как об «одном из крупнейших деятелей славянского мира», книги которого доказывали, что белорусская культура развивалась в XVI в. на «общей почве», что и «культура русская и украинская», и этой почвой было культурное наследие Киевской Руси [2, с. 129–130; 3, с. 77–78; 7, с. 4; 17, с. 16].

Импульс окончательной реабилитации образа Скорины пришёл из художественной литературы. На патриотической волне Михаил Климкович создал драматическую поэму, а Николай Садкович и Евгений Львов написали исторический роман (в дальнейшем он неоднократно переиздавался), посвящённые Скорине [34, с. 293, 365, 479]. Роман вызвал критику, ставшую поводом для организации в 1948 г. дискуссии в АН БССР [18, с. 61]. Эта дискуссия в конечном счёте и привела к данной реабилитации.

В послевоенное время, благодаря в значительной степени авторитетному мнению белорусского учёного академика В. Перцева, деятельность и взгляды Скорины были вписаны в марксистско-ленинское учение о классовой борьбе и историческом прогрессе. К заслугам Скорины как представителя прогрессивных слоёв городского населения были отнесены его скрытая оппозиция к домогательствам церкви на монопольное обладание образованностью и знаниями, его стремление к распространению книг в своём Отечестве, содействие в развитии белорусского литературного языка, книгопечатания, а также белорусский патриотизм. Уточним составляющую последнего качества. Скорине приписали заслугу в содействии сближения Беларуси с Северо-Восточной Русью [19, с. 130].

Чуть позже официальный канон Скорины был окончательно структурирован. Первопечатника объявили передовым представителем класса горожан, носителем прогрессивной культуры, выступавшим в оппозиции к феодализму и средневековой идеологии, выдающимся буржуазно-демократическим гуманистом и представителем буржуазной идеологии [20, с. 3–4]. Идеологизированный образ Скорины стал частью коллективной памяти о нём.

Итак, с 40-х годов XX в. тема Скорины превращается в средство воспитания советского патрио-

тизма. Дальнейшее утверждение образа этого исторического деятеля, которое относится к 50–60-м годам XX в., было связано с формирующимся в СССР культом науки и технологий [25, с. 399]. В фокусе мемориальной культуры встал образ Скорины-учёного. Скорину отнесли к числу талантливых учёных в области медицины, ботаники, языкознания и других наук [20, с. 3–4].

С конца 40–60-х гг. учёные, литераторы, художники, скульпторы, театральные режиссёры и журналисты со всей страстью начали конструировать образ Скорины – первопечатника, просветителя, учёного, гуманиста и патриота.

Научные исследования о Скорине приобрели активный и системный характер, они велись в разных направлениях: историография Скорины, жизнь и деятельность, окружение, язык изданий Скорины, его мировоззренческие, морально-этические, эстетические взгляды, литературное наследие, книгоиздательская деятельность, художественное и полиграфическое оформление книг. На службу научной скоринианы была поставлена работа по изданию произведений Скорины, составлению каталога его изданий [18, с. 61–67, 69].

Образ Скорины в научных работах должен был чётко соответствовать господствующим идеологиям. Но чтобы соблюсти это соответствие, пришлось многое в деятельности и взглядах Скорины «натянуть», преувеличить или, наоборот, преуменьшить и исказить. Когда это не удавалось сделать, говорилось о противоречивости и непоследовательности его идей и взглядов, абстрактном характере его трактовок и т. п.

Изобразительное искусство создавало величественные, сильные, благородные и жертвенные образы Скорины. Это были образы учёного мужа эпохи Возрождения, первопечатника-учителя, учёного-светоча, просветителя, типографа-ремесленника.

С 1940–1960-х гг. личность, деятельность и наследие Скорины стали объектом пересказов, благодаря в т. ч. экспозициям произведений изобразительного искусства, посвящённых Скорине, в учреждениях культуры и образования [34, с. 251, 287, 386, 392, 405, 537 и др.], публикациям в печати, популярным и научно-популярным статьям о нём (количество этих статей значительно возросло с 1960-х гг.).

В 1967 г. праздновался 450-летний юбилей белорусского книгопечатания. В отличие от юбилея белорусской печати 1925 г., в основу этих празднеств была положена дата выхода первой книги Скорины.

Оргкомитет по проведению юбилея белорусского книгопечатания был создан ещё в 1965 г., его воз-

главил известный белорусский поэт, вице-президент АН БССР Кондрат Атрахович (Кондрат Крапива). Насколько высоко он ставил заслуги Скорины, выражая при этом мнение белорусской, в т. ч. высокопоставленной, интеллигенции, свидетельствуют его предложения, вынесенные на обсуждение оргкомитета. Среди них – о проведении научных сессий не только в АН БССР, но и в БГУ, Минском педагогическом и Минском медицинском институтах; об установлении памятников Скорине не только в Полоцке, но и в Минске; о присвоении имени Скорины ряду учебных заведений, одной из типографий, и даже о возбуждении вопроса перед Всемирным комитетом мира, «чтобы отметить в мировом масштабе Скорину как учёного и зачинателя белорусского книгопечатания» [8, с. 257].

В каноне воспоминаний заслуженных деятелей прошлого, важных исторических событий значение этих деятелей и событий подчёркивалось посредством проведения в значимых местах публичных мероприятий: собраний, митингов, встреч, заседаний и др.; участия в них высоких официальных лиц; применения во время церемоний государственной и национальной символики.

Канон празднования 450-летнего юбилея белорусского книгопечатания соответствовал канону празднования Великой Октябрьской социалистической революции. Он предполагал, в частности, проведение юбилейной сессии АН БССР, торжественного собрания, издание научной и научно-популярной литературы по теме юбилея. Очень важным было участие в данном собрании высокопоставленных представителей партии и руководства республики, широкого представительства трудящихся и интеллигенции.

В 1967 г. торжественное заседание, посвящённое юбилею, состоялось в концертном зале Белорусской государственной филармонии. В нём приняли участие первые лица республики: Председатель Совета министров БССР, секретари ЦК КПБ, а также президент и вице-президент АН БССР, представители партийных и советских организаций, промышленных и других предприятий, деятели искусства, науки, литераторы, гости из десяти советских республик [26, с. 1]. В торжествах участвовал и известный скориновед из Чехословакии, профессор Антоний Флоровский [1, с. 11–12]. Прошла юбилейная сессия АН БССР. На филологическом факультете БГУ состоялась научная конференция [2, с. 131].

Власти санкционировали расширение области присутствия образа Скорины в настоящем. В 1967 г. имя Скорины стала носить одна из улиц Минска. Было принято решение увековечить имя и дело Ско-

рины в монументальном искусстве. В Полоцке был заложен памятник Скорине. Митинг, посвящённый его закладке, открыл первый секретарь Полоцкого городского комитета партии. На митинге выступили вице-президент АН БССР Кондрат Атрахович, руководители органов управления СССР и БССР. Белое покрывало с мемориального камня на месте будущего памятника снимали под торжественные звуки государственных гимнов СССР и БССР [27, с. 1]. Забегая вперёд отметим, что памятник Скорине установили в 1974 г. В его открытии участвовал Председатель Верховного Совета БССР, народный писатель Беларуси Иван Шамякин [23, с. 255–256]. В 1968 г. на белорусском языке был издан сборник статей «450 год беларускага кнігадрукавання».

В 70-х годах XX в. значимость личности и деятельности Скорины приобрело всесоюзный масштаб. Научные форумы, связанные с юбилейными датами жизни и деятельности Скорины стали проходить и в Москве. В 1977 г. там состоялась очередная научная сессия «Фёдоровские чтения 1977», посвящённая теме «Жизнь и деятельность белорусского просветителя Франциска Скорины». Эта сессия была организована Научным советом по истории мировой культуры Академии наук СССР, Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина и Центральным правлением Всесоюзного добровольного общества любителей книги [33]. Уже в 1977 г. можно было сказать, что имя Франциска Скорины близко и дорого всем советским людям [5, с. 5].

В 70–80-х годах XX в. в изобразительном искусстве преобладали образы Скорины – учёного мужа эпохи Возрождения, просветителя и великого учителя. Но возникли и новые. Один из них – образ патриота. Для понимания изменений в коллективной памяти о Скорине куда более значимым стал его полусакрализованный образ, который можно определить как Скорина-Пантократор (Виктор Тихонов, 1980). Ещё ранее – в 1963 г. – Скорина-светоч стал героем документального фильма, а в 70-годах и театральной сцены.

Именно в этот период образ Скорины становится объектом личного осмысления и личных переживаний большого количества почитателей просветителя. Из официального пространства данный образ в своих малых формах – на произведениях изобразительного, медальерного и декоративно-прикладного искусства – активно перемещается в личное пространство [34, с. 235, 277, 387, 416–417, 463, 501, 543, 552 и др.].

В науке происходило конструирование образа Скорины. Обосновывалось мнение, что Скорина

был наделён в значительной степени рациональным сознанием [21, с. 86, 90 и др.].

В 1986–1990 гг. отмечался 500-летний юбилей Скорины. Это был апогей мемориальной скоринианы. Празднование по времени совпало с глубоким кризисом советской системы, устремлениями новой политической элиты к утверждению демократических принципов гражданского общества, возрождению национальных форм культуры, государственной независимости Беларуси. Образ Скорины был переоткрыт и переформулирован в соответствии с новыми гражданскими, национальными и политическими устремлениями и ожиданиями. Он вобрал все эти устремления и ожидания. Они стали частью этого образа, а сам образ – инструментом их реализации.

Скорина предстал как творец, выражающий неприязнь к авторитаризму [14, с. 2], завещающий сохранять и защищать человеческое достоинство, стремиться удостоиться звания Человека [14, с. 6; 31, с. 1]. Он становится образцом патриотического служения народу. Плодами его деятельности была названа не только духовность, но и национальное достоинство [14, с. 2, 6]. Никогда до этого Скорина и его дело не удостоивались такого множества высоких оценок. Он был объявлен духовным вождём и апостолом просвещения [14, с. 2]. Величественный образ Скорины стал воплощением совести, которая требовала покаяния от пока ещё недостойных потомков [14, с. 2].

Имя Скорины превратилось в политический ресурс. Как данный ресурс оно было сакрализовано. Вот одна из цитат в прессе за 1990 г.: «Как пророк Беларуси, Скорина объявил равенство своего народа среди народов мира; как вождь, высоко поднял факел просвещения, дал направление к выходу из темноты и зависимости на простор свободного духа. В сегодняшней угрожающей для существования белорусской культуры ситуации мы отчаянно обращаемся к авторитету Скорины, мы заверяем себя и других: вот наш Креститель...» [14, с. 2].

В 1986 г. были проведены Первые скорининские чтения, организованные Институтом литературы имени Янки Купалы АН БССР. Эти чтения проходили в залах Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа АН БССР, где была организована большая выставка, посвящённая образу Скорины в изобразительном искусстве.

Расширилась область присутствия Скорины в настоящем. В 1988 г. имя Скорины присваивается Гомельскому государственному университету. В 1989-м одна из улиц Минска получила имя Скорины (прежнее и нынешнее название этой улицы – Академическая). В 1991 г. имя Скорины стала носить и главная

магистраль Минска – нынешний проспект Независимости. В 1989 г. объявили конкурс на создание в Минске памятника Скорине. В целях увековечения памяти Скорины за рубежом было принято решение об установке ему памятника в Праге, а также мемориальных досок в городах Кракове, Падуе и Праге.

В 1990 г. новый учебный год во всех учебных заведениях Беларуси начался со Скорининского урока. Это мероприятие, а также изменения в мемориальной топонимике, а именно: переименование главной магистрали Минска, свидетельствовало о радикальной смене идеологического курса, ведь до этого учебный год начинался с уроков мира, где вспоминали вождя советского народа В. И. Ленина.

В 1990 г. праздник, посвящённый 500-летию Скорины, объединил разные слои населения разного положения, занятий и разного возраста. Центрами празднования стали столица – Минск и родной город Скорины – Полоцк.

Состоялась юбилейная сессия АН БССР с участием гостей из России, Украины, Литвы, Польши, ГДР, Чехословакии и других стран. В Государственном академическом Большом театре оперы и балета БССР прошли торжественное заседание, открытое заместителем Председателя Совета Министров БССР, и концерт. В Минске состоялись другие мемориальные мероприятия: пресс-конференция с участием членов республиканского оргкомитета по проведению празднования юбилея, писателей, художников, музыкантов, учёных. Работали различные выставки.

К празднику были предложены новые мемориальные акции. В одном из парков Минска состоялся городской студенческий праздник, посвящённый 500-летию Скорины. К юбилейной дате был приурочен 10-километровый пробег.

Память о Скорине мобилизовало творческие силы страны. В Минске прошли фольклорный праздник молодёжи, концерт «Скорининские сюиты», Первый международный пленер по живописи, художественные праздники районов города. В Полоцке, кроме всех иных многочисленных мероприятий, состоялась закладка парка имени 500-летия Скорины, а также торжественная литургия, на которую гости и участники праздника были приглашены перезвоном церковных колоколов. В Минске, на улице, получившей в 1989 г. имя Франциска Скорины, торжественно открыли мемориальную доску в память о Скорине [15, с. 2–3; 16, с. 2–3; 28, с. 1; 29, с. 1; 30, с. 1; 31, с. 1; 32, с. 1].

Все эти события активно транслировались через средства массовой информации: печатные издания, радио и телевидение.

Знаком высокого официального признания заслуг Скорины стало учреждение в 1989 г. государственной награды – медали Франциска Скорины, первой по времени учреждения из современных наград. В 1990 г. её получили первые награждённые.

Конец 80-х – начало 90-х годов XX в. были самыми плодотворными в плане количества, объёма и научного уровня исследований. В Беларуси или белорусскими авторами за границей было издано и переиздано более полутора десятка крупных научных работ, посвящённых Скорине.

Во второй половине 1980-х, и особенно в 1990 г., образ Скорины превратили в символ стремления к утверждению гражданского общества, национальному возрождению, государственному суверенитету и независимости. В этом образе ещё более усилились черты героизма и жертвенности [14, с. 6]. Образ Скорины стал стремиться к недостижимому идеалу и святости. Во всём этом выразилось понимание сложности реализации данного стремления – главным образом из-за слабого национального сознания белорусов.

В 1990 г. образ Скорины как никогда ранее пробуждал живые, искренние и глубокие национальные и гражданские чувства у белорусской интеллигенции, патриотически и демократически настроенного населения. В 1986–1990 гг. развернулась самая широкая мемориальная компания, посвящённая Скорине.

Во второй половине 1980-х годов главной культурной парадигмой, которую выражал образ Скорины как в официальной мемориальной политике, так и народной памяти, стало национально-культурное возрождение, неразрывно связанное с принципами гражданского демократического общества, государственной независимостью. В это время образ Скорины превратился в своеобразный фактор национально-культурной идентичности белорусов.

По своим масштабам мемориализация памяти Скорины превзошла масштабы коммеморативных практик не только иных деятелей прошлого Беларуси, но также событий, эпох, явлений, за исключением того, что было связано с историей революционного движения, историей СССР, Великой Отечественной войны и белорусскими партизанами, жизнью и деятельностью В. И. Ленина. Особенность мемориального содержания памяти о Скорине заключалась в том, что эта память акцентировала внимание на благородной миролюбивой миссии просветителя, любящего свой народ, а не на военной и политической истории.

Основным носителем и проводником памяти о

Скорине была гуманитарная интеллигенция. И если данная память и проявляла себя в большом количестве разнообразных мемориальных акций, то очевидно, только потому, что представители этой интеллигенции занимали высокие партийные и административные посты, обладали большим личным авторитетом. Лишь во второй половине 1980-х, в 1990 г. состав носителей этой памяти увеличился за счёт патриотически и демократически настроенной социально активной части населения Беларуси.

Несмотря на то, что на официальном уровне образ Франциска Скорины отождествлялся с утверждением социалистического строя и советским патриотизмом, в народной памяти этот образ был связан с формирующимся национальным самосознанием.

Список использованных источников

1. Бакун Д. Н. Франциск Скорина в исследованиях книжной культуры XX в. (историографические итоги столетия) / Д. Н. Бакун // Франциск Скорина – личность, деятельность, наследие, современные образы = Francysk Skaryna – the personality, activity, legacy, modern images : материалы Междунар. науч. семинара, Полоцк, 24 мая 2017 г. / сост. : Л. А. Авгуль, Д. Н. Бакун. – Минск ; Москва, 2017. – С. 9–15.
2. Ботвинник М. Б. Изучение жизни и деятельности Франциска Скорины в БССР / М. Б. Ботвинник // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. – Москва : Наука, 1979. – С. 124–135.
3. Ботвинник М. Б. Социальные аспекты изданий Франциска Скорины / М. Б. Ботвинник // Книжная культура Беларуси. Да 500-годдзя з дня нараджэння Ф. Скарыны : зб. Навук. пр. – Минск, 1991. – С. 71–84.
4. Бываеўскі Н. Вялікае свята беларускае культуры. (Да 400-лецця друку на Беларусі) / Н. Бываеўскі // Наш край. – 1925. – № 1. – С. 5–7.
5. Великий белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. – Москва : Наука, 1979. – С. 5–23.
6. Воранаў Р. Паўстанне Скарыны. Як інтэлектуалы Расійскай імперыі XIX ст. паўплывалі на постаць беларускага нацыянальнага героя / Р. Воранаў // Палітычная сфера. – 2012. – № 1–2. – С. 156–181.
7. Гарбуноў Ц. З гераічнага мінулага беларускага народа / Ц. Гарбуноў // Беларусь. – 1945. – № 6. – С. 1–6.
8. Глеб М. Падрыхтоўка да юбілеяў беларускага кнігадрукавання ў 1925 і 1967 гг. (дакументы з Цэнтральнага навуковага архіва НАН Беларусі і Цэнтральнай навуковай бібліятэкі імя Якуба Коласа НАН Беларусі) / М. Глеб, Д. Крэнт, К. Сьцько // Франциск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына / уклад. А. Груша; рэдкал.: А. Груша (старш.) [і інш.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 231–294.
9. Голуб Т. С. У истоков белорусской Скоринианы / Т. С. Голуб // Франциск Скорина и Вильнюс. Сборник материалов Республиканской научной конференции, посвящённой 500-летию со дня рождения Франциска Скорины / сост. Л. В. Судавичене. – Вильнюс, 1991. – С. 27–32.
10. Зелянкова А. І. Ф. Скарына і яго час у гісторыі і культуры Беларусі 20-х гг. XX ст. / А. І. Зелянкова, М. І. Старавой-

таў // Скарына і наш час. Матэрыялы II Міжнароднай навуковай канферэнцыі. 16–17 мая. У дзвюх частках / рэдкал. А. А. Станкевіч (гал. рэд.). – Гомель, 2002. – Ч. 1. – С. 25–31.

11. Каўка А. К. Беларускае скарыназнаўства ў 20-я гады XX ст. / А. К. Каўка // Книжная культура Беларуси. Да 500-годдзя з дня нараджэння Ф. Скарыны. (Зборнік навуковых прац). – Минск, 1991. – С. 45–63.

12. Киреева Г. В. Формирование коллекции «Скориниана» в фонде Национальной библиотеки Беларуси / Г. В. Киреева // Матэрыялы XX Міжнародных Кірыла-Мяфодзіеўскіх чытаньняў, прысвечаных Дням славянскага пісьменства і культуры (Мінск, 20–23 мая 2014 г.) / рэдкал. : В. Р. Языковіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Минск : БДУКМ, 2014. – С. 111–116.

13. Кнорин В. Г. Аб рашаючых «дробязях» у вялікім пытанні (Да пытання аб палітыцы беларусізацыі) / В. Г. Кнорин // Кнорин В. Г. Избранные статьи и речи. – Минск : Беларусь, 1990. – С. 233–265.

14. Літаратура і мастацтва. – № 35. – 31 жніўня 1990.

15. Літаратура і мастацтва. – № 36. – 7 верасня 1990.

16. Літаратура і мастацтва. – № 37. – 14 верасня 1990.

17. Ломцеў Ц. Георгі Скарына – першы беларускі кнігавыдаўца / Ц. Ломцеў // Беларусь. – 1945. – № 6. – С. 13–16.

18. Немировский Е. Л. Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя / Е. Л. Немировский. – Минск : Маст. літ., 1990. – 597 с.

19. Перцаў В. Н. Грамадская дзейнасць і светапогляд Г. Скарыны / В. Н. Перцаў // Весці Акадэміі навук БССР. – 1948. – № 6. – С. 21–32

20. Перцаў У. М. Прадмова / У. М. Перцаў // Алексютовіч М. А. Скарына. Яго дзейнасць і светапогляд / М. А. Алексютовіч. – Минск : АН БССР, 1958. – С. 3–5.

21. Подокшин С. А. Франциск Скорина / С. А. Подокшин. – Москва : Мысль, 1981. – 215 с.

22. Польша. – 1925. – № 6.

23. Польша. – 1974. – № 10.

24. Савецкая Беларусь. – № 1. – 1 студзеня 1926.

25. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов / А. В. Святославский. – Москва : Древлехранилище, 2013. – 592 с.

26. Советская Белоруссия. – № 191. – 16 августа 1967.

27. Советская Белоруссия. – № 194. – 19 августа 1967.

28. Советская Белоруссия. – № 204. – 5 сентября 1990.

29. Советская Белоруссия. – № 205. – 7 сентября 1990.

30. Советская Белоруссия. – № 206. – 8 сентября 1990.

31. Советская Белоруссия. – № 207. – 9 сентября 1990.

32. Советская Белоруссия. – № 208. – 11 сентября 1990.

33. Сокольская К. П. Научная сессия «Фёдоровские чтения 1977» / К. П. Сокольская, Ю. А. Лабынцев // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. – Москва : Наука, 1979. – С. 217–220.

34. Франциск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік / рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.] – Минск : БелСЭ, 1988. – 608 с.

35. Харэвіч А. Ф. Скарына і яго эпоха / А. Ф. Харэвіч // Польша. – 1925. – № 7. – С. 138–152.

36. Voranau R. The Belarusian Printing Pioneer Franciśak Skaryna: The Early Modern Hero in Later National Interpretations / R. Voranau // Early Modern print culture in Central Europe. Proceedings of the Young Scholars Section of the Wrocław Seminars. September 2013 / ed. S. Kiedroń, A.-M. Rimm in cooperation with P. Poniatowska. – Wrocław : Wydaw. Uniw. Wrocławskiego, 2014. – S. 139–148.

Статья поступила в редакцию 6.06.2017 г.

Aliaksandr Hruša,

Doctor of History, Director of Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy Sciences of Belarus

THE COMMEMORATION OF FRANCYSK SKARYNA IMAGE IN BELARUS (1924–1990)

In the article the review of formation of Francysk Skaryna culture commemoration and his image constructing in collective memory of Soviet Belarus is given. The conclusion is made that the Soviet Belarus in the first years of its existence turned into the community united by memory of him. In this image social and national-cultural values of scientific, national and Communist party of Belarus elite were embodied. In spite of the fact the image of Skaryna in official level was identified with the statement of socialist system and Soviet patriotism, in popular memory this image was connected with the emerging of national identity.

Keywords: Francysk Skaryna, Soviet Belarus, collective memory, memory carriers, constructing of image, commemoration, official memorial policy, people memory.